

Содержание

ЭНЕРГИИ ЛОГОСА	4
Филон Александрийский, Прокл Диадок и «Эпарх еврейского войска»: двух гениев связующий злодей	4
Столпы из камней нижних вырастают	4
Дионисийский и Аполлонический логос. Гении и злодей.....	8
Апофеоз Прокла Диадоха и Петра Ивера	14
Философ ясной сложности.....	16
ВВЕДЕНИЕ.....	19
КНИГА II.	27
План	27
КНИГА II.....	43
Первая часть: Преамбулы.....	62
Часть II: Трактат о мире	194

ЭНЕРГИИ ЛОГОСА

ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, ПРОКЛ ДИАДОХ И «ЭПАРХ ЕВРЕЙСКОГО ВОЙСКА»: ДВУХ ГЕНИЕВ СВЯЗУЮЩИЙ ЗЛОДЕЙ

Вступительное слово переводчика

СТОЛПЫ ИЗ КАМНЕЙ НИЖНИХ ВЫРАСТАЮТ

Наряду с Платоном и Аристотелем, самое весомое влияние на христианское богословие оказали и два других выдающихся античных философа – Филон Александрийский и Прокл Диадох, остававшиеся в рамках своих религиозно-национальных традиций, то есть эллинистического иудаизма и эллинского язычества.

Однако если созерцательная концепция Филона Александрийского о Логосе по существу стала закладным камнем христианской теологии и философии (и в этом смысле его можно даже считать одним из протагонистов Дидаскалии или Дидаскалиона, христианского огласительного училища, первые сведения о котором относятся, по данным современных исследователей, в том числе Мортон Смиа, ко второй половине I столетия, но, несомненно, оно существовало намного раньше, а на заре новой эры – в виде языческого Мусейона), то Прокл Диадох, живший в V столетии, своей доктриной о духовных иерархиях и триадических демиургиях сыграл важную роль в окончательной кристаллизации христианского

**Внешнее убранство храма в Керчи,
напоминающее сюжеты из античных мистерий**

мировоззрения, краеугольным камнем которого становится догматическое учение о Святой Троице и Логосе, ведь именно к V столетию завершись в церковной ограде ожесточенные споры тринитариев с антитринитариями, и очень знаменательно, что символическую точку здесь поставил один из последних схолархов Платоновой Академии в Афинах и приверженец персидско-халдейского тринитарного монотеизма, о чем мы писали ранее, Прокл Диадох. Иными словами, два философа, александрийский эллинистический иудей и эллинский традиционалист из Афин с «халдейским» мировосприятием, с внешних сторон как бы спаяли собой христианство, с тех пор дошедшее до нас практически неизменным, особенно в виде греко-византийской ортодоксии.

Таким образом, оба философа словно символически образуют собой две внешние колонны христианского храма, известные еще со времени царя Соломона, поставившего столпы Боаз («В нем – сила») и Йахин («Он утвердит») в притворе Первого Иерусалимского Храма. И, что характерно, закладной и краеугольный камни как бы вырастают в стволы, некогда в капителях украшавшиеся латунными лилиями, а на навершиях – корзинами с гранатовыми яблоками. Разумеется, для премудрого царя Израиля колонны являлись аллегорией не изобилия, а учений, предшествовавших истинной вере в Единого Бога. И одним из таких учений, как нам представляется, был древний теургический халдейский монотеизм, существовавший до праотца Авраама, а более чем два тысячелетия спустя синтетически вошедший в неоплатоническую доктрину Прокла Диадоха. Как тут не изумляться прозорливости и пророческой вдохновенности царя Соломона?

По расхожей легенде, бытующей в российской франкмасонской среде (о чем говорил и выдающийся русский поэт Максимилиан Волошин), колонны, подобные тем, что некогда украшали притвор Соломонова Храма, находятся в церкви святого Иоанна Предтечи в Керчи, построенной в первой половине VI столетия императором Восточной Римской Империи Юстинианом Великим (482–565 гг.).

В 2020 году накануне праздника Преображения Господня мне довелось побывать в этой церкви и полюбоваться двумя колоннами, которым уже около полутора тысяч лет. Именно тогда у меня и возник образ двух эллинистических философов и как бы стражей в притворе христианского храма. Тогда я работал над переводом на русский язык четвертой части историко-философической тетралогии «Откровение Гермеса Трисмегиста. Неведомый Бог и гнозис» замечательного французского исследователя греко-римской цивилизации, культуры и философии священника доминиканского ордена Андре-Жана Фестюжьера, и потому сам образ, безусловно, оказался навеянным впечатлением от его произведения.

**Внешнее убранство церкви Святого Иоанна Предтечи в Керчи.
Пластика по камню сродни стилю изображения античных мистерий**

В череде античных философов и писателей, изученных неумолимым эллинистом XX столетия, выделяются именно эти двое, не сумевшие переступить порог христианского святилища и оставшиеся неподвижными колоннами в его притворе. И, что характерно, молва и предание прочно связывают каменные колонны керченской церкви Святого Иоанна Предтечи – кстати, последнего пророка Ветхого Завета, – с императором Юстинианом Великим, который в подражание царственному зодчему Соломону воздвиг Собор Святой Софии в Константинополе и, проникшись великолепием своего творения, вос-

кликнул: «Я превзошел тебя, Соломон!..» С тех пор эхо его восторженного восхищения навеки застыло и окаменело на стенах под сенью грандиозного свода Софии – Премудрости Божией. И, вероятно, всемогущий кесарь Восточно-Римской империи, равно как и его далекий августейший брат Соломон, понимал эти две колонны, остававшиеся на Боспоре на границе с Великой Скифией, как два учения, предшествовавшие христианской католической ортодоксии: иудейское библейское откровение и эллинскую мудрость. Впрочем, для православного императора, искушенного в Соломоновой науке, они являлись и ступенями на пути к высшей Софии, в честь которой и построено константинопольское чудо, – Иисусу Христу. Но что мы скажем о символическом отражении этих столпов, для нас олицетворяемых Филоном Александрийским и Проклом Диадокхом?

ДИОНИСИЙСКИЙ И АПОЛЛОНИЧЕСКИЙ ЛОГОС. ГЕНИИ И ЗЛОДЕЙ

Прежде всего, подчеркнем, что обоих наших философов, эллинистического иудея и эллина, объединяет и разделяет учение о Логосе. Собственно, уже в философии раннего периода Филона Александрийского намечился окончательный переход понятия о Логосе из неличностного в персонифицированное состояние, тогда как у того же Гераклита «делящийся логос» (λόγος τομεύς) – это, скорее, сила природы, приводящая к равновесию противоположные по своей сущности и вызываемые к бытию вещи. У Платона Логос связан с главным эйдосом – «идеей идей» или «архетипической идеей», однако далек еще от персонификации, предложенной Филоном Иудеем. То есть налицо эволюция идеи Логоса от пантеистического понимания энергии, разлитой в сущем, у Гераклита до абстрактной «идеи идей» у Платона. Добавим сюда, что стоики оказались близки к одушевленному пониманию Логоса, рассматривая его в качестве животворящей энергии.

**Две колонны притвора церкви Святого Иоанна Предтечи
в Керчи на переднем плане**

Выдающаяся роль Филона Александрийского как раз и заключается в том, что ему удалось осуществить синтез высшего иудейского разумения Бога Живого с абстрактным понятием эллинской премудрости об «идее идей», отраженным в творении Вселенной, но сущем как бы в обезличенном отвлеченном виде в далеком божественном эмпирее. То есть, безусловно, провиденциальным образом Логос в философии Филона Александрийского, впитав в себя ветхозаветное откровение, становится живым, но несет в себе еще потаенное и несколько затемненное дионисийское начало. Возможно, Филон Александрийский, вплотную приблизившись к тайне всего сущего, был потрясен от изумления, а потому иногда изображал Логос в весьма размытых тонах, что, впрочем, могло происходить не по умыслу автора, а из-за недостатка средств выражения в современном ему александрийском эл-

линском наречии. Философ, блестяще применивший аллегорическое толкование к Ветхому Завету, застыл в оцепенении перед Аллегорией всех аллегорий, живой и персонифицированной сущностью, сотворившей Мироздание. Отсюда обращение рационального иудейского мудреца к мистическому откровению, восполняющему и по-новому высвечивающему то возвышенный восторг, то суровую скорбь библейских пророков. Отсюда и определенная недосказанность дионисийского приема философа, уста и сознание которого могло опалить сугубое приближение к огненному Логосу. Вот почему Филон Александрийский – и первый христианский богослов вне христианства. С другой стороны, представляется, что на тот момент для Филона Александрийского оказалось сложным объяснить учение о божественном Логосе в ветхозаветном библейском контексте и в рамках строгого иудейского монотеизма, за порогом которого, по сути, суждено пребывать впредь этому мыслителю из аристократов александрийской еврейской общины. Впрочем, даже являясь сторонником методов и подходов дионисийской мистагогии – кстати, использовавшейся и в оргиастических культах, – иудейский платоник Филон соблюдал меру во всем, чего не скажешь о его родном племяннике Тиберии Юлии Александре (умер после 73 г. н.э.), сыне еврейского магната из Египта Александра Алабарха, с ревностью неофита перешедшем из иудаизма в греко-римское язычество. Тиберий Юлий Александр стал замечательным римским государственным деятелем и известным полководцем: ему же принадлежит темная слава разрушения александрийской еврейской общины в ходе битвы при Дельте, когда его легионы перебили 50 000 восставших евреев. Будучи префектом Египта, Тиберий Юлий Александр первым признал Веспасиана императором, в награду за что удостоился чести сопровождать Тита, сына Веспасиана и следующего императора, во время Иудейской войны в сане префекта претории – начальника войска. По свидетельству Иосифа Флавия, во время осады Иерусалима Тим на командном

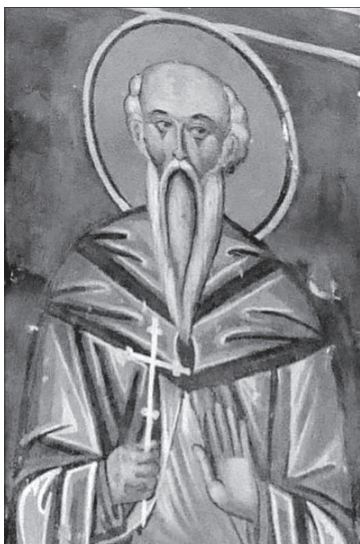
Мученичество святых Дионисия Ареопагита, пресвитера Рустика и диакона Елевферия. Миниатюра из Минология Василия II

совещании высказался за сохранение Иерусалимского храма, и его поддержал еврей по роду и племени Тиберий Юлий Александр; тогда как фрагмент Тацита, сохранившийся в хронике Сульпиция Севера, сообщает об обратном: Тит настаивал на разрушении храмового комплекса Святого Града, чему вторил и Тиберий Юлий Александр. Здесь, как выясняется, перед нами возникает древняя проблема гения и злодейства (которой зачастую сопутствовал и адюльтер или покушение на него), в иудейской традиции сопряженная с кровными узами: Давид – Авессалом, Филон – Тиберий Юлий Александр; она великолепно отображена в «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери». Считается, что описанная Иосифом Флавием Иудейская война была первым холокостом в истории еврейского народа, потерявшего тогда около 500 000 своих сыновей и дочерей. После катастрофы 70-х гг. новой эры Тиберий Юлий Александр продолжал пребывать на

Ближнем Востоке, а найденная в 1838 году древняя надпись в городе Араде в иудейской пустыне, наряду с выражением почтения Плинию Старшему и Тиберию Юлию Александру, сообщает о сановных должностях последнего: «эпарх еврейского войска», «правитель Сирии» и «эпарх 22-го египетского легиона». Судя по всему, племянник выдающегося философа Филона Александрийского и эллинистический прозелит Тиберий Юлий Александр умер или на Святой Земле, или в Дамаске после 73 года.

Вместе с тем, столь обширное отступление, посвященное «эпарху еврейского войска», нам понадобилось, поскольку именно он неким провиденциальным образом служит связующей нитью между Филоном Александрийским и Проклом Диадохом. Дело в том, что во второй книге своего «Комментария к *Тимею*» Прокл Диадох прибегает к разбору диалога Платона при помощи знаменитого античного трактата «О Мироздании» Псевдо-Аристотеля, коим являлся александрийский еврей из окружения Филона, посвятивший произведение племяннику своего наставника Тиберию Юлию Александру. Собственно, трактат «О Мироздании» нам представляется определенной точкой перехода дионисийского Логоса Филона Александрийского в аполлонический Логос Прокла Диадоха. То есть, иными словами, Прокл завершил синтез учения о Логосе, начатый за четыре века до него знаменитым александрийским иудеем, по легенде лично знавшим Симеоном Богоприимцем, одного из семидесяти толковников.

В отличие от Филона Александрийского, уже подвергнутого определенной платонической «рационализации» библейско-эллинистическую традицию, Проклу Диадоху удалось выразить наиболее сложные моменты своей философии, в том числе учение об иерархии духовных сущностей, в терминах и понятиях рациональной философии: это знаменитое учение, получившее название небесной божественной иерархии, вошло в корпус христианской теологии благодаря епископу Маюмы в Палестине Петру Иверу (или Псевдо-Дионисию Арео-

Петр Ивер.
Иерусалимская фреска

landianum.

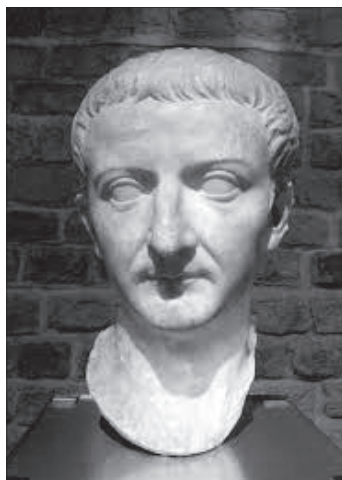
Итак, философия Прокла Диадоха, отображаемая в главном, по его же словам, сочинении «Комментарий к *Тимею*», ясна и прозрачна, что, разумеется, не означает отсутствия сложных метафизических построений; скорее, наоборот: через эти порой до сухости рационализованные конструкции светится аполлонический Логос; здесь нет уже эмоций, неожиданных погружений в глубину подсознания, зачастую управляющего мистицизмом дионисийского Логоса: у Прокла Диадоха присутствует одно трезвое осознание на пути к высшему сознанию, которого он и достигает. Тогда аполлонический Логос с высшим сознанием, как и философ, ментально соприкасается с областью, излучающей вселенскую демиургию. Время и пространство исчезают. Дух переживает Фаустово мгновение. Затмение дионисийского и свечение аполлонического Логоса обращаются в незримую божественную энергию, которую внутренним оком наблюдал Святой Григорий Палама.

пагиту), как считали досконально исследовавшие «Ареопагитики» бельгийский историк античности Эрнест Хонигман (1892–1954) и грузинский философ и литературовед Шалва Нуцубидзе (1888–1969) (причем оба ученых выдвинули тождественную гипотезу независимо друг от друга), а затем их данные в 1993 году были подкреплены римско-католическим священником-иезуитом, известным историком христианства и византинистом Мишелем ван Эсбруком (1934–2003), сотрудником брюссельского центра агиографических исследований Museum Vol-

АПОФЕОЗ ПРОКЛА ДИАДОХА И ПЕТРА ИВЕРА

Вообще, дуализм дионисийского и аполлонического Логоса находит, по Проклу, разрешение в главном Демиурге, который, к тому же, является одним из Трех Царей мирозерцания Платона. Стало быть, Демиург у Прокла – это личность, говоря богословским языком, ипостась, заключающая в себе две стороны Логоса, тогда как Логос в своем делящемся состоянии – это энергия. Но здесь стоит отметить, что к нераздельным и неслиянными ипостасям Трех Царей Прокл Диадох пришел через рассмотрение абстракций своей Великой Триады: Единого, Единого Сущего и Сущего, по сути, считая ее геометрическим развертыванием божественной генады, к тайне которой, по его словам, приблизиться невозможно. Вот почему центральные прообразы, образы и понятия его философской онтологии суть Три Царя, Демиург и вселенская демиургия, виды демиургий, иерархия гиперкосмических и энкосмических существ. Коннотации с эллинским язычеством у Прокла не столь частые, да и мифологическая терминология никак не отягощает ни стилистику, ни содержание «Комментария к *Тимею*». Это еще раз свидетельствует о том, что Прокл Диадох ставит во главу угла философскую абстракцию того или иного порядка с отождествлением ее, например, с богиней Афиной Палладой – или без онога; то же самое – и в отношении иерархии духовных существ. Иными словами, философская основа «Комментария к *Тимею*» остается монотеистической и тринитарной, просто сугубо абстрактно выраженной порой даже без помощи конкретных имен и обозначений, поскольку у Бога и Отца нет имен, хотя, с другой стороны, Ему принадлежат все высшие имена в подлунном мире. Собственно, это прекрасно понимали еще до Филона Александрийского и семьдесят толковников, переводившие Библейский канон на эллинский язык и правомерно заменявшие откровенно божественные еврейские имена на нейтральное и абстрактное греческое Θεός, которое соответствует у Прокла Богу Отцу (разумеется, без персонификации в Зевсе).

Итак, работая над второй книгой «Комментария к *Тимею*» Прокла Диадоха, мы приходим к выводу, что целостный и неделимый Логос совпадает с Демиургом Мироздания, тогда как разделившиеся дионисийский и аполлонический Логосы выступают в качестве энергий первого Логоса и, стало быть, Демиурга. Подобное монистическое представление Прокла Диадоха совсем не мешает в его концепции триадам разделяться на другие триады, создавая тем самым иерархию духовных существ, начиная с гиперкосмических и заканчивая существами мира становления. И все это, конечно, прямо накладывается на иерархическое девятиричное построение библейских ангельских и архангельских чинов и порядков, в том числе Серафимов, Херувимов, Престолов... Следовательно, Прокл Диадох, составляя свой «Комментарий к *Тимею*», излагал примордиальное предание о небесной иерархии и Великой Триаде, опираясь, наряду с «Тимеем», на трактат «О Мироздании» Псевдо-Аристотеля, в основе своей – монотеистического сочинения, и получая сведения особым мирозерцательным путем, когда толкуемый философский материал – не что иное, как контрапункт для развития собственной мировоззренческой концепции. Отсюда неудивительно, почему «Комментарием к *Тимею*», написанным, когда Проклу Диадоху исполнилось всего 28 лет, воспользовался его современник Псевдо-Дионисий Ареопагит или епископ Петр Ивер (411–491), из-под пера которого, по убеждению наиболее авторитетных церковных историков и археографов, и вышел затем корпус «Ареопагитик»: «О небесной иерар-

Тибериус Юлий Александр,
племянник Филона
Александрийского
и префект претории